

© 2017 г.

Н.А. ХАЧАТУРЯН

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Хачатурян Нина Александровна — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Название статьи делает очевидным признание ее автором значимости в историческом процессе фактора преемственности — вопреки его трудной научной судьбе, объясняемой главным образом сложностями в понимании весьма неоднозначной природы эволюционного развития. Весомым аргументом в пользу высказанного утверждения может послужить не теряющая своей актуальности тема, связанная с предысторией парламентов и гражданского общества Нового времени. Ее содержанием стал сословно-представительный режим, возникший в эпоху Средневековья как только европейское и потому — уникальное явление, не только убедительно обозначившее вектор мирового политического развития, но, в силу фактора преемственности, в определенном смысле подготовившее рождение новой формы политического устройства¹.

Длительный опыт человеческой истории в контексте самых общих и жизненно необходимых форм существования в известном смысле не балует разнообразием. Если иметь в виду общие, легкоузнаваемые формы социально-политической жизни — это догосударственный социум, уже организованный выработанными нормами жизни, регулируемыми экономические, политические, социальные и этнические условия существования его членов; это сельские и городские общности; ремесленные и торговые профессиональные корпорации; и наконец, — масштабные, с момента вступления на путь цивилизационного развития, высшие политические формы — государства: империи или более гомогенные и менее масштабные образования... При всей узнаваемости этих типичных форм на разных этапах развития и у разных народов, они никогда не были простым повтором или аналогом, наполняясь иным социальным и конкретно-историческим содержанием, хотя мера новаторства при этом могла быть разной. Интересующий нас случай в сравнении с предшествующим историческим опытом дает предельно выраженную политическую форму креатива, на которую оказалось тогда способным только европейское общество на «средневековом» этапе своего развития.

Сословно-представительный режим не повторял «демократии» греческих полисов или явления принцепата с попыткой соединения остатков республиканских свобод с элементами формирующейся авторитарной власти в Римской империи.

¹ В статье учтен опыт европейской исторической науки в изучении проблемы, включая работы отечественных медиевистов — Е. В. Гутновой, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта, А. М. Сахарова, Н. Е. Носова, Н. Ф. Колесниченко, В. Д. Назарова, Б. Н. Флори, а также собственные исследования автора. См. также: *Genet J. Ph. État moderne: genèse, bipans et perspectives. Paris, 1990; Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l'État moderne. Actes du colloque de Rome (18–31 mars 1990). Rome, 1990.*

Эти политические формы античный мир реализовал в условиях, когда значительная часть общества была обречена на несвободу в наиболее выраженных формах экономического и внеэкономического принуждения — в качестве знаковых показателей начальных шагов на пути цивилизационного развития, с принципиальными отличиями к тому же в технологии выборной практики. Последнюю отличали преимущественные позиции принципа личного участия в процессе выборов — только полноправных граждан сообщества.

Форма сословного представительства явила собой контраст с авторитарной формой политической власти, господствовавшие позиции которой в средневековом обществе определяли полицентризм и иерархическая структура последнего.

Она отличалась от известных Средневековью коллективных и выборных форм власти в виде реминисценций догосударственной жизни, или органов местного и городского управления. Но последние оставались только сопутствующим, хотя и знаковым явлением, подпитывая своим опытом, особенно опытом городских коммун и городов-республик Апеннинского полуострова или республик Новгорода и Пскова, сословно-представительный режим. Наконец, в качестве допустимой аналогии следует назвать известную средневековую практику ассамблей королевских курий. Они составили непосредственную предысторию сословно-представительного режима, обеспечивая диалог сюзерена с его вассалами и, несомненно, оказав на будущий институт влияние реализацией идеи «совета», пока осуществлявшегося в правовых нормах только личного контракта, с узким кругом лиц, принадлежавших политической элите общества. Эта практика осталась в рамках так называемой «патримониальной» природы государственности, характеризуемой личными социальными связями в системе власти, службы, зависимости.

Интересующая нас политическая форма, возникнув в условиях заметной социально-экономической и политической трансформации средневекового общества, радикально изменила решение вечного и весьма острого в истории вопроса о соотношении власти и общества, создав выборный, публично-правовой по характеру орган. Он был конституирован по принципу «представительства» социальных групп, предполагая участие в политической жизни непривилегированной, но лично свободной податной части населения в лице «депутатов» от городов, а в ряде случаев прямо или опосредованно, от лично свободного крестьянства, т.е. *laboratores* — людей, которые жили «трудом рук своих», кормили и одевали общество.

Качественная новация сословно-представительного режима не подтверждает на наш взгляд крайних позиций современного неозэволюционизма и синергетики в восприятии эволюционной теории в духе эмерджентности исторического процесса. Скачок, толкуемый как «вероятность невероятного» (Н. Луман), реализуется тем не менее в пространстве преемственного и, следовательно, этапного развития, диктующего необходимость анализа системных условий возникновения нового явления, в котором будут неизбежно проглядывать черты прямого или опосредованного усвоения и переработки обществом предшествующего исторического опыта.

Не случайно современное историческое знание — будь то на Западе, в отечественной медиевистике или русистике — характеризуется исходным признанием общего в целом для Европы (за редким исключением) характера явления: в импульсах его появления, в его назначении и природе, хронологии его функционирования (хотя и во временном разбросе, но в рамках конца XII—XVII вв.) и, наконец, в общем, более или менее очевидном движении средневековой государственности к оформлению абсолютизма — попытке своеобразного реванша авторитарной власти добиться максимального усиления, но реванша, неизбежно ограниченного неизжитым в условиях Средневековья полицентризмом².

² Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989; *ее же*. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008, с. 156—227.

Общие параметры явления, однако, не исключали разнообразия в сословном представительстве, стимулируя в качестве дополнения к системному анализу, компаративный метод исследования. Этот метод весьма плодотворен при выявлении сходства и отличий вариантов феномена и в конечном счете поисках их сущностного качества. Тем не менее и этот прием не лишен издержек, связанных главным образом с традиционной и с трудом преодолеваемой исследователями склонностью к альтернативной (бинарной) манере мышления. Поэтому желание постичь и объяснить своеобразие того или иного явления часто уступает попыткам противопоставления его вариантов неким «эталонным» образцам, что неизбежно сопровождается для какой-то части этих вариантов — их недооценкой. Возможный выход из отмеченных трудностей подсказывает, на мой взгляд, позиция сторонников взвешенного толкования принципа относительности, который Л. Февр назвал «великой драмой истории», очевидно, имея в виду всегдашнее и такое естественное стремление человека к определенности и ясности. В этом случае корректируется возможный негативизм в понимании условности результатов познания при сохранении качественной определенности явлений. При таком более гибком толковании принципа относительности органично выглядит вариативность явления не только сословно-представительного режима в целом, но и его отдельных компонентов. По результатам типологического анализа особенности социальной и институциональной истории сословно-представительных учреждений могут стать мерой отсчета в оценке совпадений или отклонений вариантов явления от модели — как предельной формы выражения его сущности. Любопытно, что эту модель, которую формирует историческое знание сегодня, принцип относительности тоже не спасает от условности, лишая ее ореола «эталонности».

Подобный подход поможет, признавая цивилизационные различия западного и восточного регионов Европы, отказаться от преувеличенной оценки исключительности западноевропейского образца и оценки со знаком минус представительного режима в Восточной Европе. В контексте нашего сопоставительного анализа в восточном регионе основным объектом внимания станет вариант российской государственности. Нельзя не напомнить, что в Европе — в Византии и городах-республиках Апеннинского полуострова отсутствовали сословно-представительные учреждения, характерные для централизованных монархий; что в Священной Римской империи Германской нации данное явление реализовало себя только на уровне территориальных образований, тогда как общеимперский орган рейхстаг воплощал собой тот образ интересующего нас явления, о котором могла только мечтать любая европейская верховная власть. В этом случае она бы располагала возможностью «назначения» его участников, т.е. весьма условных «представителей» отдельных городов и князей, используя частное право, в качестве носителей средневекового полицентризма на местах.

Что касается трех лидирующих в интересующем нас контексте форм — английском парламенте, испанских кортесах, французских Генеральных штатах, то в каждом из институтов какой-то «возможности» качества явления не хватало для полноты картины. Даже наиболее близкий к воплощению модели — английский парламент демонстрирует «предельные» качества явления только по некоторым, хотя и очень важным показателям: обладанием юридически закрепленного права регулярного представительства и причастностью к законодательству. Эту особенность отразила структура представительного органа — с его двухпалатной системой, где палата общин реализовала в своей практике политический союз депутатов дворянства и горожан. Подобная расстановка социальных сил стала результатом их социального развития.

Более того, в контексте научного познания, где исследователь неизбежно оперирует в качестве точек отсчета абстрактными категориями и приемами, английский парламент не является «чистой формой», будучи в качестве общественного учреждения тесно связанным с системой государственного управления (связи палаты лордов с малым и большим королевскими советами). Хотя в соответствии с нашей позицией, т.е. при корректировке условности «чистой формы» жизненными реалиями, может быть, стоит допустить, что возможность нарушения «демаркационной линии» в назначении

институтов государственной исполнительной власти и общественных учреждений на практике как раз стала еще одним источником силы английского парламента³?

Обозначив общее видение темы и целесообразные подходы к ее решению, я попытаюсь соединить системный и компаративный анализ, выбрав, в жёстких рамках статьи наиболее существенные и интересные для современного научного знания вопросы.

В контексте системных особенностей общественного развития для решения вопроса о социальных условиях возникновения и истории сословно-представительного режима наиболее важной выглядит проблема «этапности» явления и возможностей, которые обеспечивал этот этап.

В качестве доказательства я бы отметила в первую очередь потенциал общественной системы, в которой производитель, осуществлявший мелкое производство в условиях социального неравенства, был отделен только от основного тогда средства производства — земли, оставаясь собственником орудий труда. Эта особенность, подкрепленная в масштабах Европы раньше или позже, в большей или меньшей степени личным освобождением производителя, обеспечила наиболее полную реализацию возможностей, заложенных в средневековой общественной системе: города, в полноте их экономической, социально-политической и культурной функций и товарная экономика; активизация мощного фактора прогресса — процесса общественного разделения труда; связанное с ним ограничение монопольного положения земельной собственности, благодаря постепенному росту значимости собственности на орудия труда, — обстоятельство, имевшее долговременные последствия в процессе разложения мелкого производства, бывшего сущностной особенностью средневековой общественной структуры; наконец, это процессы централизации; усложнение и эволюция социальной структуры; и, что заслуживает особого внимания, — изменение социального и духовного облика актора исторического процесса в лице мелкого производителя, связанного с ростом и частичным признанием его общественной значимости.

В известной мере в качестве следствия потенциала общественной системы стал другой социальный фактор решающего значения для судеб сословно-представительных учреждений. Я имею в виду процессы сословного самоопределения и активизации общественных сил, которые шли в рамках корпоративного движения в качестве знака доиндустриального общества, обеспечивая жизнедеятельность незащищенного на том этапе развития субъекта. Движение обрело — с разной степенью выраженности в Европе, а также в разное время — в целом массовый характер⁴. Оно пронизывало все сферы жизни, все социальные страты общества: дворянство (его внутренняя стратификация по нормам сеньориально-вассального права; формам земельной собственности; процессам консолидации мелкого и среднего дворянства; по принадлежности к рыцарским орденам; множественность церковных объединений в среде духовенства; цехи, гильдии, присяжные коммуны городов; чиновные и университетские корпорации. Даже сельские общины в рамках вотчины могли активизировать свои социальные функции, в ряде случаев организуя сельские коммуны.

Тенденцию к реализации социально-политических потенций славянской общины в государственном секторе реализовали чернососшные крестьяне и казачество с характерными для этой общности формами самоуправления и военными функциями. Высшей формой корпоративного движения стали сословия или сословные группы, инкорпорировавшие в свой состав более мелкие сообщества, унифицируя в масштабах государства их права и формируя, таким образом, общий юридический статус сословий. Явление предполагало достаточно высокий уровень государственных образований

³ Хачатурян Н.А. «Европейский феномен сословного представительства». — *Ее же. Власть и общество...*, с. 210–214.

⁴ Хачатурян Н.А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему «коллективного субъекта». — *Ее же. Власть и общество...*, с. 31–46.

и внутренней консолидации пребывающих в них сообществ, — условия, развитие которых оказалось возможным с большим или меньшим успехом благодаря процессам модернизации средневекового общества для Западной Европы уже в XIII–XV вв.

Не всякая корпоративная группа могла сформировать сословие, застывая на уровне исходных элементов и не добившись признания ее особого юридического статуса на уровне общегосударственного образования.

Корпоративное движение в городской общности, к примеру, могло остаться «топографическим» явлением: в частности, в российском городе, расселение ремесленников по городским кварталам по принципу их профессиональных занятий вряд ли можно оценить как признак высокой степени их социальной консолидации.

Право последних на поквартальные «сходы» (собрания) не сопровождалось обретением ими особого юридического статуса, как и обретения права города в целом на самоуправление. Напротив, особенностью процесса сословного самоопределения во многих странах Западной Европы стала его *институциональная* оформленность, причем как результат волевого начала и активности самих общественных сил, при юридическом закреплении обретенных прав: сеньориально-вассальное право, консолидировавшее земельных собственников цеховые статуты, уставы торговых гильдий, общегородские хартии и хартии сельских общин; уставы монашеских и рыцарских орденов. Именно этот процесс сделал неизбежным и действенным диалог пока не набравшей достаточной силы верховной власти с обществом, который внедрял в общественное сознание идеи политического контракта, идеи верховенства закона и права, контролировавших волю монарха. Именно поэтому организованные таким образом формы сопротивления и борьбы за сословные права стали гарантией от превращения этой борьбы в очередной бунт, без правового закрепления его результатов, если таковые были⁵.

В мировой и отечественной историографии тема социальной стратификации в средневековом обществе, особенно в контексте проблемы соотношения классов и сословий, пользуется специальным вниманием, в недавнее время весьма политизированным, в условиях преодоления рамок марксизма в отечественной медиевистике второй половины XX столетия. Ныне, в ситуации кризисных явлений в современном историческом знании конца XX — начала XXI в., идущих под знаком так называемого «лингвистического поворота», это внимание часто осложнено не всегда плодотворным интересом части исследователей к вопросу номинации средневековых социальных страт и стремлением к тому же поставить под сомнение самый факт существования сословий, прибегая по преимуществу к получившему новый импульс, но традиционному приему «борьбы с терминами». В данном случае я оставляю в стороне этот сюжет, отсылая читателя к моей статье с попыткой его решения в пользу признания специфики сословной стратификации, в ее определении исходя из параметров функционального и юридического статуса групп, в конечном счете связанного с отношением последних к основным формам собственности или источникам дохода, растущей размытостью границ в условиях укрепления товарной экономики и роста общественного разделения труда⁶.

В оценке своеобразия природы и роли сословий, т.е. в контексте сравнительного и вариативного анализа, целесообразно, на мой взгляд, расширить привычный набор причин, объясняющих силу и организованность или слабость сословий. В ряду этих причин, бесспорно значимых, не носящих сиюминутный характер и хорошо

⁵ Хачатурян Н.А. «Суверенитет, закон и вся община...»: взаимодействие и дихотомия власти и общества. — *Ее же*. Власть, общества, индивид в средневековой Европе. М., 2008, с. 5–10.; *ее же*. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества. — Там же, с. 8–13; *ее же*. «Король-император в своем королевстве...» Политический универсализм и централизованные монархии. — Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и Раннее Новое время. М., 2001, с. 66–88.

⁶ Хачатурян Н.А. Великая Хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания. — Средние века, вып. 77 (1/2). М., 2016, с. 49–61.

известных в литературе, имели значение численность и экономический потенциал городов; расстановка социальных сил, связанная с возможностью или отсутствием экономического и политического союза городского сословия и части дворянства; военно-освободительный фактор, могущий помочь верховной власти усилиться в процессе централизации, опередив консолидацию общественных сил в этом процессе и определив исход ее взаимоотношений с ними в свою пользу.

Углублению анализа поможет выход за временные рамки функционирования представительного режима и обращение к глубинным и нередко долговременным по своим последствиям процессам цивилизационного развития, в частности, историческому времени выхода европейских народов на арену мировой истории, их преемственные или автохтонные формы развития, а также характер взаимодействия с соседями; географические условия региона и, наконец, специфика их исходной социальной организации.

В рамках настоящей статьи позволю себе остановиться только на одном сюжете: типе общины — германской или славянской, которые стали матрицей общественного развития в Европе.

В единстве двух борющихся начал — индивидуального и коллективного, вариант германской общины оставляет ощущение более выраженного индивидуального начала, которое способствовало динамике развития и волевой активности индивида. Сильное коллективное начало в славянской общине, отчетливо сохраняя себя на этапе «долгой протяженности», вплоть до Нового времени и далее, наоборот, ограничивало и даже подавляло индивидуальные импульсы. Подобная специфика могла оказывать влияние на процессы самоорганизации общественных сил, в известной мере предопределив (*par contre*) исключительную роль государства в качестве фактора, форсировавшего и контролировавшего социальную динамику. В этом же направлении действовал бессинтезный вариант генезиса феодализма, характерный для северных регионов Европы и Руси.

Вектор направленности на выделение и усиление индивидуального начала, таким образом, следует признать исключительным по значимости фактором развития, ограниченным тем не менее и зависимым от возможностей общности ответить на вызовы времени.

С учетом этого обстоятельства влияние первобытной общины не следует трактовать как заданность — это противоречило бы самой идее развития и условиям, в которых протекал процесс. Исходная и последующая история общины могла определяться многими обстоятельствами. В их ряду в качестве уже упомянутого очевидно и весьма значимого фактора для народов Европы в целом продолжал действовать факт наличия или отсутствия синтеза (постепенность его углубления, включая так называемый «вторичный» синтез), т.е. их взаимодействия с Римской империей — государственного образования, весьма развитого для своего времени в экономическом, социально-политическом и культурном отношениях. В контексте интересующих нас глубинных обстоятельств нельзя не упомянуть рефлексии известного французского юриста, историка и одного из первых «социологов» в медиевистике, Жана Бодена, который пытался в XVI в. объяснить факт сохранения в его время общины в Московии, назвав ее не столько средством «существования», сколько «выживания». Очевидно, что Боден имел в виду географический фактор, которому он наряду с Божественной волей, но при признании решающего характера последней, придавал тем не менее значение определяющего исторический процесс органического закона. Анализ угаданной им связи судеб человеческой общности с природой мог бы существенно дополнить оценку общины в качестве цивилизационного фактора, однако характер и задачи статьи ограничивают наши возможности⁷.

⁷ Хачатурян Н. А. Сословная монархия..., с. 28–43.

Последний сюжет, затронутый в статье, посвящен институциональному анализу сословно-представительного режима. Подобно социальному, он столь же красноречиво демонстрирует условность обобщенного образа явления. История организационного оформления учреждения в любом варианте носила сугубо эмпирический характер в его исходной точке и дальнейшей истории, которые характеризовали: временная растянутость, организационная вариативность и нестабильность, вызванные разными причинами (конкретными обстоятельствами, социальной эволюцией, вмешательством центральной власти).

Актуальная сегодня теория *Etat Moderne* в институциональной истории средневековой государственности дополняет аргументы к подчеркнутой нами позиции об относительности интересующей нас формы явления. Основная идея теории — констатация факта формирования в рамках средневековой государственности ее публично-правовой природы, которая сменяла предшествующие ей патримониальные формы — наблюдение, отнюдь не новое в науке, однако сама попытка на уровне сегодняшнего видения исторического процесса рассмотрения проблемы носит конструктивный характер, высвечивая некоторые существенные для понимания государственной средневековой истории аспекты. Такие показатели процесса модернизации, как различение частного и личного начал и их соотношения в социальных связях в обществе в целом и работе государственного аппарата; утверждение «вещного» принципа в социальных отношениях, опосредованных государством — могут подсказать новые решения, в том числе в теме сословного представительства, не предпринимавшиеся в науке в подобном контексте⁸.

Попытка его реализации в нашем случае позволяет фиксировать очевидную двойственность интересующего нас явления. Она является своего рода предупреждением о возможных его переоценках и, в частности, сближении с парламентами Нового времени, несмотря на действительно имевшие место в его практике новации, которые предвосхищали будущие представительные институты. Вместе с тем средневековые ограничители подчас обнаруживают себя в формах, присущих глубокому Средневековью, т.е. формах, сохранявших патримониальные качества, которые не соответствовали публично-правовому характеру, декларируемому самим фактом возникновения и назначением явления сословного представительства.

Приведу несколько примеров, начав с оценки корпоративизма — явления, который оценивается нами в качестве решающего фактора в возникновении и судьбах представительных учреждений. Однако его роль оказалась двойственной: процесс самоорганизации общественных сил, их выход на общегосударственную политическую арену в виде сословий, а также результативность их активности, в частности через сословно-представительные учреждения — сопровождался консервацией партикуляризма в виде сословно-корпоративной формы выборов и представительства, который на определенном этапе станет тормозом в деле консолидации общества.

В работе ассамблей ярким показателем лимитов представительного учреждения являлась технология выборов. Они часто заменялись простым назначением депутатов со стороны руководства монастыря или города; проходили в форме «ограниченных» выборов, которые проводил аббат монастыря и часть монахов или члены городского совета и несколько сот или десятков лиц, представлявших элиту города. По существу, имитацией процедуры «прямых выборов» являлись выборы *par tourbe*, т.е. толпой горожан, собравшихся на рыночной площади, которые «воодушевленно» выкрикивали имя депутата. В среде дворянства принятию выборного принципа мешали личные вассальные связи и политическая власть феодальной элиты, частная власть которой на местах в условиях очень медленно изживавшегося партикуляризма (задача, которая не была решена в рамках Средневековья), питала убеждение последней в праве персонифицировать интересы населения в ее доменах. Отражая эту ситуацию,

⁸ Хачатурян Н. А. Власть и общество..., с. 34–43.

средневековые парламенты оставляли возможность соединения в своей структуре режима представительства с практикой расширенного королевского совета даже в английском парламенте, в палате лордов, или Боярской думы, в Земских соборах, члены которых действовали по праву личного присутствия.

Особого внимания заслуживает вопрос о природе мандата, которым располагал депутат. Принцип средневекового представительства демонстрировал новацию, реализовав публично-правовую природу выборной практики, придав депутатам зафиксированный мандатом статус «публичного» лица, ответственного перед некоей общностью своих выборщиков. Мандат, будучи знаком модернизации общества в публично-правовой сфере его жизни, приобрел, однако, характер «императивного», ограничив действия депутата весьма жёсткими инструкциями, — ситуация, которая часто требовала дополнительных инструкций и новых консультаций «на местах», тормозя и затрудняя работу ассамблей. Обеспечивая известные гарантии от посягательств верховной власти на «свободы сословий» и в контексте будущего способствуя выработке права неприкосновенности депутата, он культивировал, в конечном счете, местничество, торг с властью, мешая, в частности, выработке в среде депутатов принципа большинства.

Императивный мандат действовал с неодинаковой силой выражения в разных учреждениях, но даже в английском парламенте, где в палате общин мог работать принцип большинства, прямая зависимость депутатов от избирателей была источником противоречий с королевской властью и уничтожена только в начале XVII в. В ходе буржуазных революций именно отмена сословных выборов и императивного мандата сделали возможным провозглашение принципа юридического равенства всех граждан перед законом и стали началом парламентов Нового времени в Западной Европе.

При всех ограничениях, свойственных средневековому парламентаризму, итоги анализа не отменяют высказанную в начале статьи высокую оценку явления. Социальный опыт и практика сословного представительства явили собой рождение нового образа общества, в состав которого оказалась включенной его податная, экономически зависимая, но лично свободная часть, допущенная к диалогу с королевской властью. Более того, они показали, что общество — в достаточно широких социальных параметрах может быть не только *объектом* государственной политики, но ее *субъектом*, с более или менее выраженными средствами «защиты и нападения». Сословно-представительная практика, включившая в политическую жизнь общества его непривилегированную часть, высветила в качестве значимой — проблему менявшегося соотношения власти с большей или меньшей частью общества: их диалогом и взаимодействием, или дихотомией, с возможными взрывами и в противостоянии, когда парламентские формы оказываются несостоятельными. Таким образом, политический средневековый опыт внес вклад в развитие политических структур Нового и Новейшего времени. В свою очередь, опыт социального развития, реализуемый как глубинный процесс, формировал предысторию «гражданского» общества, в частности, с помощью сословно-представительных учреждений, воспитывая членов общества, как «граждан», озабоченных не только проблемами политической свободы, но и ответственностью за общее благо в соответствии с принципами государственного устройства, провозглашенными еще в античности Аристотелем.

Признание относительности и вариативности явления сословного представительства делает, на наш взгляд, более взвешенной оценку конкретных форм его воплощения. Подобный подход позволил толковать утверждение об английском парламенте как модели сословно-представительного режима только по ряду, хотя и очень важных показателей, демонстрировавших к тому же предельные возможности явления. Вместе с тем этот подход снимает недооценку важности и значимости «слабых» учреждений, с более короткой и менее яркой судьбой, которые в свою очередь делали очевидными типичность и, следовательно, органичность явления.